

Отзыв

д-ра¹ Йордана Димитрова Люцканова
доцента в Институте литературы БАН

на материалы, предоставленные для участия в конкурсе
на занятие академической должности „профессор“
Пловдивского университета „Паисий Хилендарски“

область: 2. Гуманитарные науки
профессиональное направление 2.1. Филология (специальность Русская литература)

В конкурсе на должность „профессора“, объявленном в Държавен вестник, № 96 от 17.11.2023 г. и на интернет-странице Пловдивского университета „Паисий Хилендарски“ для нужд Кафедры Русской филологии Филологического факультета, как кандидат участвует доц. д.ф.н. **Николай Михайлов Нейчев** (ПУ „Паисий Хилендарски“).

Распоряжением № РД-21-74 от 16.01.2024 г. Ректора Пловдивского университета „Паисий Хилендарски“ (ПУ) я назначен членом научного жюри конкурса на занятие должности академической должности „профессор“ в ПУ в области 2. Гуманитарные науки, профессиональное направление 2.1. Филология (Русская литература), **объявленный для нужд** кафедры Русской филологии Филологического Факультета.

Документы на участие в объявленном конкурсе поданы **единственным кандидатом**: доц. д.фил.н. Николаем Михайловым Нейчевым из Пловдивского Университета.

Представленный Николаем Нейчевым комплект материалов (на электронном носителе) **соответствует** Регламенту развития академического состава ПУ, и состоит из следующих документов:

- прошение на участие в конкурсе;
- автобиография („европейский формат“);
- автобиографическая справка о научно-исследовательской деятельности, выносимой на оценку по смыслу конкурса, в т.ч. краткий список участия в научных форумах и список публикаций „в авторитетных иностранных изданиях“;
- список всех публикаций, дополненный списком замеченных кандидатом цитирований;
- аннотации пятнадцати публикации (едной монографии и четырнадцати статей), на болгарском языке;
- аннотации пятнадцати публикации (едной монографии и четырнадцати статей), на русском языке;
- текст монографията (опубликованная книга в формате pdf);
- тексты указанных статей (фотокопии);²

¹ = PhD, к.ф.н.

² За исключением одной, публиковавшейся под составительством автора настоящих строк.

- текст опубликованного университетского учебника (пдф), часть первая, по русской классической литературе, написанного кандидатом;
- текст опубликованного университетского учебного пособия (пдф), написанного кандидатом;
- удостоверение от декана Филологического Факультета ПУ о числе учебных часов и т.д. читаемого Нейчевым курса лекций;
- уведомление от декана до Нейчева, что тот допущен до участия в конкурсе.

Кандидат Николай Михайлов Нейчев приложил в общей сложности шестнадцать научных трудов, из них – тринадцать статей, одна монография, один учебник для университета и одно учебное пособие для университета общо шестнайсет научни труда, а также список около ста и шестидесяти научных текстов, автором которых он является (в т.ч. три монографии, две диссертации, два габилитационных труда и т.д.). Настоящий отзыв основывается на анализе семнадцати научных трудов, не являющихся частью докторской диссертации кандидата и учитывающихся при итоговом мнении (оценке), в т.ч. – одна монография, один университетский учебник и одно университетское учебное пособие.

Краткие биографические сведения о кандидате

Нейчев – доктор филологии как автор диссертации „Влияние на догмато-мистичната ортодоксия върху късното творчество на Ф. М. Достоевски“ (1998 г.) и доктор филологических наук как автор диссертации „Проблемът за времето в Петокнижието на Ф. М. Достоевски“ (2023 г.). С 1994 г. он преподает, на разных должностях, историю русской литературы на Кафедре русской филологии Пловдивского университета, студентам самых разных специальностей Филологического факультета. В 2003 г. он удостоен годичным призом „Золотая муза“ за высокие творческие достижения и заслуги в развитии болгаро-русских культурных связей. В 2010 г. его монография „Достоевски – тайнствената поетика“ выходит на русском языке в издательстве Уральского федерального университета в Екатеринбурге.

Общая характеристика деятельности и продукции кандидата

Оценка учебно-педагогической деятельности

Нейчев читает курс русской литературы 19 в. студентам разных специальностей Филологического факультета.

Написанная им концептуальная история русской литературы 19 века – сначала в форме габилитационной монографии и асоискание должности доцента „Литература и месианизъм (Руското литературно месианство през 19 век)“ (2009 г.), затем и уже в рамках настоящей процедуры в адаптированном виде учебника (первая часть – 2023 г.) – закладывает основу научно-образовательной школе с потенциалом привлекать магистрантов и докторантов из-за рубежа и разнообразного гуманитарного профиля (визуальные искусства, богословие, культурология).

Оценка научной и научно-прикладной деятельности кандидата

Нейчев автор трех монографии фундаментального значения для болгарской и международной русистики, из числа которых, к сожалению, только одна переведена и издана на иностранном языке (2010 г.). Последнее становится фактом в период осуществления издательством УрФУ программы перевода и издания качественных нероссийских работ по русистике..

Около пятнадцати из всех публикаций Нейчева осуществлены за рубежом (в сборниках и журналах в России, Польше, Чехии, Турции, Канады), около двадцати – на русском языке; одна – на английском.

Из восемнадцати важных учасий в научных конференциях пять осуществлялись за рубежом. В 2014 г. Нейчев читает лекцию на тему „Тайнственная поэтика Достоевского (храмово-литургические аспекты)“ в Институте славистики Венского университета. („Тайнственная“ – от „(церковного) тайнство“, а не как „тайна – тайнственный“).

Я перехожу к рассмотрению отдельных трудов (монографии, учебника, учебного пособия и одной статьи). Своими критическими замечаниями (в той мере в какой они есть) я буду делиться после или по ходу рассмотрения каждого из трудов.

Индивидуальное рассмотрение наиболее важных работ

„Квантова литературна херменевтика и екзегетика: Проблемы за разбирането на художественния текст: Н. В. Гогол и Ф. М. Достоевски“ (Пловдив, Университетско издателство „Паисий Хилендарски“, 2024, 604 с.)

Исследование „Квантова херменевтика и екзегетика“ применяет эпистемологию квантовой физики в литературоведении и таким образом сумеет сформулировать и опробовать новую герменевтическую методологию. Ключевыми являются понятия „суперпозиция“, „коллапс суперпозиции“, „дополнительность“ (или „комплементарность“) и „вторичная суперпозиция“. Понятие „суперпозиция“ относится, в самом общем смысле, к миру объектов в их неизбежной повлиянности наличием наблюдателя и дефинирует, конкретно, состояние одновременной разноместности объекта. Понятие „коллапс суперпозиции“ дефинирует снятие точных, но фундаментально односторонних данных об объекте. Понятие „дополнительности“ относится к методу, согласующему взаимно-несовместимые данные о положении наблюдаемого объекта. Понятие „вторичной суперпозиции“ относится к созданному человеком миру и ткани литературного произведения и дефинирует/обозначает успех писателя симулировать „суперпозицию“ – поддерживать и удерживать читательскую иллюзию одновременной достоверности взаимно-несовместимых „состоянии вещей/дел“ в мире произведения, или оставить у читателя впечатление окончательной неопределенности.

Исследование состоит из трех частей: „Квантовата революция“, которая вводит в основные теории в физике последнего полтора-одного века и, конкретнее, в квантовую физику (95 страниц); „Квантова литературна херменевтика“, которая показывает переводимость основных положений квантовой физики на язык литературоведения (сорок страниц); и „Квантова литературна екзегетика (върху материал от творчеството на Н. В. Гогол и Ф. М. Достоевски)“, которая демонстрирует потенциал сформулированных в предыдущей части шести принципов квантовой герменевтики объяснять опыт читателя с литературным текстом, от беглой встречи до умной обработки несовместимости собственного внимательного профессионального прочтения с внимательными профессиональными прочтениями других (около двести шестьдесят страниц). Книга, общим объемом в шестьсот страниц, содержит еще краткое введение, двадцати пяти страничные аннотации на русском и английском языках, Приложение и список цитированной литературы.

Труд является общенаучным вкладом (поскольку демонстрирует неэфмерную и неповерхностную совместимость двух весьма отдаленных друг от друга научных направлений), вкладом в плане гуманитарных наук (поскольку сформулированная герменевтическая методология приложима и в философии, истории, психологии, антропо-

логии, некоторых отделах лингвистики), в планах педагогики, теории литературы, истории русской литературы и, так сказать, практической культурологии. Отмечу главные вклады в последние четыре плана. Педагогический: третья, самая обширная, часть книги имеет структуру „сократического диалога“ (демонстрирует объяснительный потенциал и конечную недостаточность разных теоретических перспектив на одно и то же литературное произведение) и как такой, представляется ядром потенциального учебника по литературной теории, герменевтике и истории, последовательно применяющего сократический метод. Укажу на два аспекта литературно-теоретического вклада: (1) системное расшатывание как послеренессансной индивидуалистской и модерноцентрической идеи авторства, так и структуралистских и постструктуралистских идей о сводимости авторства к языковой либо социальной функции, путем теоретически-информированного возврата к предмодерной идеи об авторстве как ‘страдательной’ (или ‘эргативной’) субъектности (субъектности, дающее конкретизирующее и неизбежно упрощающее выражение „волнового „поля“, сущего до и за всем существующим“, с. 138); (2) системное расшатывание понятия реальности, не по оси ‘фикциональное – нефикциональное’, не по оси ‘заранее-наличное – сконструированное’ (т.е. реализм – номинализм), а по оси ‘реалистичное – фантастичное’. Нейчев последовательно, хотя и мимоходом, разоблачает девятнадцативечное материалистическое (в философском смысле) подсознание за базисными литературоведческими понятиями. Литературно-исторический вклад: существенно уточняет восходящее, вероятно, к Альфреду Бему представление об отталкивании, несогласии молодого Достоевского с Гоголем. Вклад в плане практической культурологии: труд представляется нам частью вольных либо невольных усилий Нейчева, заметных во всех его трудах, в направлении литературоведческого выражения, продолжения и усложнения интеллектуальной традиции, почти исчезнувшей между 15-ым и 19-ым веками, или православного христианского литературоведения, или же, выражаясь языком постколониальной теории: „провинциализации Европы“ (конкретнее – здесь ниже).

Небольшое библиографическое замечание к труду: во второй части стоило бы упомянуть книгу Радосвета Коларова „Повторение и сътворение: поэтика на автотекстуальности“ (2009) и, конкретнее, использовать подглаву „Теоретично отклонение за колебанието“.

„Квантова херменевтика и екзегетика“ это труд с научными вкладами такого характера и масштаба, что его следует перевести и издать на английском языке.

„Руска класическа литература: Университетски учебник (Част първа: Руският роман на XIX век)“ (Пловдив, УИ „Паисий Хилендарски“, 2023, 444 с.)

Учебник состоит из введения („Руската класическа литература като единен текст“), поэтологической главы (выводящая общее в подходе русских классиков 19-го века к жанру, к отношению между фикцией, исторической/физической/социальной действительностью и действительностью метафизической, и к герою/персонажу), главы об Александре Пушкине, Михаиле Лермонтове, Николае Гоголе, Федоре Достоевском (две), Льве Толстом и Достоевском (в сопоставлении), и библиографии.

Учебник выговаривает и исходит из предпосылки, что русская литература 19-го века, в лице своих более или менее самых известных образцов, становится средой и средством развития языка церкви и мировосприятия верующих христиан; что усилиями, интуицией и верой своих представителей – или несмотря на те усилия и т.д. – она возвышается до неслучайного, неинцидентного сосуда Откровения и до участия в свя-

щенном Предании. Короче говоря, учебник ставит нас перед русским художественным подобием Библии; именно подобием, а уж затем образом, поскольку подчеркивается, как этот литературный корпус действует. Названная предпосылка, кратко аргументированная в введении и подробно – в монографии Нейчева 2009 г., дает ему основание рассматривать названную литературу как, прежде всего, сверхтекстовую целость, и то скорее всего интровертную; а не как, например, переставляемую и варьирующую в своем составе констеляцию текстовых фрагментов, нуждающихся, например, социологической и литературно-компаративистской контекстуализацией, чтоб сказать что-нибудь современному читателю и предположительно убедить его, что между ними есть что-нибудь общего (кроме русского языка и предметных реалий, конечно).

Я полагаю, что гипотетическое второе издание учебника должно отсылать к современным учебникам, следующим так называемому здесь „традиционному литературно-историческому подходу“; а также, с опорой на по существу педагогический опыт монографии „Квантова херменевтика и екзегетика“, в педагогических же целях продемонстрировать достоинства и недостатки „традиционного литературно-исторического подхода“ в отношении конкретных групп произведений.

Лично меня смущает маргинализация, в той или иной степени, Лескова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Алексея К. Толстого, Тургенева, Тютчева, Фета, Чернышевского. Я склонен подозревать, что сознательно либо нет сеть Нейчева-литературоведа калибрована так, чтоб в ней попали (только) те представители литературного канона, чьи образы не затронуты советской либо сверхэксплуатацией либо недоэксплуатацией и на которых не падает неизбежно умаляющая их тень более крупной фигуры. Я выговариваю свое смущение и свое подозрение с целью указать на две проблемы, решение которых перерастает прагматику настоящей процедуры: можем ли мы освободиться от влияния советского литературного канона (в его неизбежных разновидностях, конечно)? вторая: можем ли, при конструировании курса того или иного периода русской литературы, отправиться не от суммы своих персональных эрудированных опытов подступить к отдельным авторам и парам авторов, а от досоветского либо несветского курса по данному периоду, и редактировать этот курс сообразно новым знаниям и изменившимся контекстом? Я держу в уме два таких конкретных „курса“, хотя первый из них академическим не был и включал несколько не-русских фигур: общеизвестные „Вечные спутники“ Мережковского и недавно выреченные из забвения Галиной Петковой курсы Петра Бицилли, а затем Бояна Пенева?

То, что рассматриваемый учебник вызывает поднятие этих вопросов, является несомненным достоинством этого учебника.

Всматриваясь в детали, учебник обладает достоинством, нередко отсутствующим в учебниках, выпускаемых в Болгарии: вместо комбинации авторитарно-авторитетных утверждений и списка рекомендуемой литературы, он предлагает академический режим отсылок.

Некоторые из утверждений в „рамке“ учебника следует, кажется, поддержать примерами, а также перевыразить на литературоведческом идиоме, отличном от идиома автора учебника. Например это: „Трябва да подчертаем обаче, че тази единна образна система на руската литература от XIX век има специфичен характер (...) който се дължи на изконно месианската руска менталност, според която не конкретното историческо събитие вторично се митологизира (както това се наблюдава в западнокатолическата историография за XIX век или в естетиката на романтизма), а историческата ситуация е естествено, подразбиращо се от само себе си продължение на свещеното в профанното“.

Претензия да се дават примери е свързана с това, че аз много смутно разбирам същността на даденото в отрязък на антитеза – а как да се каже за студента? Но и как да се разбира „исконно месианска менталност“ от него или иного етноса или нации? Такаво твърдение е рисковано не само от гледна точка на модността, но интелектуално е достатъчно основателно, конструктивистско или модернистско гледище на нацията. Аз обръщам внимание как разна на това дву- или тричастно твърдение, т.к. в него в миниатюра е съдържан риск, свързан с учебника в цяло: вместо това да се въвежда в руската литература, обучавайки чувствително към православната християнска вяра и богословие четене на литература, формирайки начетените русопоклонници, способствайки кумиротворчеству. Указаният риск нараства в този случай, ако в учебния план (соотв. специалности, факултета) липсва, на ранен етап, такъв предмет като въвеждане в християнско богословие или въвеждане в културно изкуство, а по-добре всичко в византийска литература (подобно на това, как е въвеждане в литературоведение, езиковедение, в антична и западноевропейска философия и литература), и да се включат лекции за византийска (например на основа на публикации на Георги Каприева). В друг случай определена (в самия случай най-важната) онтологическа и екзистенциална сфера, сфера на сакралното, ще се установи асоциирано с потомците на руската-литературно-въздвижната-на-пиедала.

Аз задавам въпрос за взаимната адекватност на учебния план и курса по руската класическа литература защото, аз смятам, че длъжността на професора се вписва в корпоративното тяло – много повече, отколкото защита на доктората.

Аз цитирам още откъс от въвежението на учебника:

„Общият идеен патос на руската литература е логосът от XIX век е насочен срещу следните идеологически ядра: срещу индивидуалистичното разбиране за европейския тип герой; срещу самодоволната разсъдъчност на съвременната наука и философия; срещу лъжата на светското самоцелно изкуство; срещу разлагащото въздействие на естетическото; срещу демонизма на външната красота; срещу егостичното разбиране на любовта; срещу безнравствеността на смъртното наказание; срещу поробващата свобода на материализма на „средата“; срещу рационализма, хуманизма и революцията; и изобщо срещу атеистичния и антихристов характер на цивилизацията като цяло. Но руската литература на XIX век поражда и нещо във висша степен удивително – това е не само цялостен, но и самоцитиращ се, както и самообясняващ се текст“. Мои скромни знания ми дават възможност да се съгласявам с първото твърдение (относящо се до това, че в руската класическа литература „е“). По-горе, да се приветства неговото като не-обикновено евристично, дори вземайки предвид неговия потенциален редукционизъм. Това дава възможност да се види руската литература на XIX век като художествено-литературно самовъздействие на определено културно-историческо тяло; културно-историческо тяло, явяващо се за някои от нас, в т.ч. за мен, родно, желано и образцово. Това представлява рычаг на интелектуална операция, означена в „постколониалната“ английска „теория“ „провинциализация на Европа“. Осъществяването на провинциализацията, представляващо радикален по сравнение с предприетия от автора термин Дипеш Чакрабартти, който твърдел, че, с сожаление, единствената жива, оперативна, оперируема философско-понятийна традиция в света е западноевропейската, а всички други, например класическата индийска, са в най-добрия случай предмет на успешна реконструкция. Благодарение на труда на Нейчева у нас е възможност да се започне да се разсъждава на езика на източно-християнската халкидонитска традиция, да се разшири микрореволюцията, осъществяваща се в богословието т.наз. неопатристическият синтез на Йоанна Мейендорфа и други, в литературоведението на Сергеем Аверинцевым, в психологията и психотерапията

Владетой Иеротичем. Задача представляется колоссальной и все-таки выполнимой. Но я не склонен согласиться с вторым утверждением Нейчева в цитированном выше пассаже: что русская литература 19-го века это не только целостный и цитирующий себя, но объясняющий себя текст, а точнее – модальность этого утверждения. Даже если б у нас было достаточно оснований утверждать его истинность, нам не следовало бы постулировать его, а применить в режиме экспериментальной тезы: „работает“ ли оно? на каком „материале“? что большего дает нам его применение и проверка по сравнению с режимом объяснения этой литературы „извне“? в какой мере оно применимо к произведениям, устраненных нами из канонического корпуса? какова причина/цель этого устранения – потому что метод к ним не применим или просто потому, что они эстетически или каким-нибудь другим образом не так ценны? и вообще, почему состав авторов и произведений этот (что дан в учебнике): это те, которые нагляднее всех оказывают применимость и достоинства метода; те, которые безоговорочно принадлежат дискурсу, антиномически выговаривающего Божье присутствие на русском языке; или те, которые в силу инерции и полу-консенсуса историки русской литературы считаем по той или иной причине самыми важными? Я не утверждаю, что эти вопросы не заложены в основании и не присутствуют в тексте учебника. Но мне хотелось бы видеть эксплицированными, в т.ч. в „рамке“. Видеть ту культуру сократического диалога, которая продемонстрирована в „Квантовата херменевтика“, потому что эта культура глубинно педагогична.

Я отдал бы предпочтение и более слабой общей формулировке, а именно, что русскую литературу 19-го века можно толково и исчерпывающе прочесть, применив методы библейской экзегезы (на с. 13 Нейчев показывает значение в отношении данного „материала“ приема типологии) и *узнав* ее как православно-христианскую. Я оговорил бы и утверждение, что, кроме библио-образной межтекстовой целостностью с ядром, периферией и внешним мраком, она образует и литургический хронотоп. Чтоб последнее осуществилось, думается мне, не необходим ли храмовый или храмоподобный *культурный* хронотоп, в котором эти части потенциальной литургической целостности прозвучали бы? Такой хронотоп, кажется, отсутствует и отсутствовал. Акты вы-чтения и прочтения библиоподобной и библиообразной сердцевины русской „классической“ литературы остаются занятием в более или менее в одиночку. Подобие церкви есть, но литургия – лишь в катакомбо-подобных пространствах. Воссоздается как бы жизнь до-константиновой церкви.

Я не рисковал бы и утверждением, что прием увенчивания сотен страниц маяния внешнего человека – мгновенным и на первый взгляд незаметным рождением человека внутреннего, „уникальная“ особенность русской литературы. Уникальной особенностью не является – до доказывания противного.

Смущает меня и то, что можно обозначить как „гипостазирование“ библиоподобности и библиообразности русской литературы 19-го века – путем называния ее сердцевины „русским литературным Логосом“, „Логос“ иногда с прописной буквы. Смущает то, что можно назвать логической торопливостью.

Учебник Нейчева, думаю, требует активного содействия лектора, чтоб студент усваивал и мысли лектора, и материал, не впадая в соблазн. Я считаю это преимуществом учебника: так как принуждает стороны в учебном процессе к не-инертности.

Позволю себе и небольшое фактографическое, в самом деле фактологическое, замечание: восемь веков в „поэме“ о Великом инквизиторе (инкрустированной в роман „Братья Карамазовы“, полурассказаной замышляющим ее Иваном Карамазовым) отсылают не к 11-му веку, веку Большой схизмы, а к веку 8-му (ср. Нейчев, с. 27), веку

известной подделки „Donatio Constantini“, которой папы пользуются еще в том же веке, сначала для аффирмации узурпирования власти франкских королей Меровингов Пипином Коротким, первым Каролингом, а затем чтоб стимулировать Шарлеманя потребовать императорский титул. Отнесенная к 8-му веку, ретроспекция фикционального Великого инквизитора обладает гораздо большей критической мощью.

Университетский учебник Нейчев в предостаточной мере евристичен, чтоб перевести и издать его как на русский, так и на английский языки.

„Руска драматургия на XIX век: Университетско учебно пособие“ (Пловдив, УИ, 2023, 210 с.)

Пособие по существу является академической хрестоматией; она следует модели: краткое компилятивное введение к произведению – отрывки из произведения – авторское исследование о произведении. Пособие является введением к изучению „Бориса Годунова“ и „Маленьких трагедий“ Пушкина, „Ревизора“ Гоголя и „Вишневого сада“ Антона Чехова. Составитель-автор учебного пособия включил вершинные постижения возобновляемого византийского культурного типа, или „русского литературного логоса“, или „русского литературного мессианства“ 19-го века, в литературном роде драмы. Книга, на мой взгляд, безусловно базисное чтение при гипотетическом курсе истории русской драмы для магистрантов или докторантов.

В статье „Даниил Андреев – вестителят на новата духовна епоха“ (сп. Славянски диалози, год. 17 (2020), № 26, с. 32-53), Нейчев выходит за пределы своего обычного поля исследований (литература 19-го века), чтобы дать панорамную картину разножанрового литературного творчества одного из крупнейших мистиков 20-го века (в и вне России). Нейчев сумел продемонстрировать (хотя и в небольшой степени, в предварительном режиме) применимость в этом „внешнем поле“ своей главной стратегии в качестве историка литературы (вычленять признаки и функционирование „русского литературного мессианства“, или обновляемого византийского культурного типа в художественной литературе; конкретно, он обращает внимание проявившейся у Андреева установке на синтез, обхватывающий и художественные, и нехудожественные жанры); но, вполне логично, он все еще довольно отрывочно (подчеркиванием типа авторства, представляемого Андреевым) приближается к своему основному открытию в литературной теории – „квантовой герменевтике“. Наибольшее достоинство статьи – и научное, и педагогическое (пропедевтическое) – это то, что Нейчев ненавязчиво рассеивает любые сомнения касательно возможно апологетического отношения к своему объекту. Нейчев апологетом русской культурой не является, он вдумчивый и пронизательный знаток ее падений и ее потенциала быть всемирно значимой (без каких бы то ни было оговорок и ни крупницы лицемерной любезности при оценке масштаба и глубины этой значимости).

Цитируемость трудов Нейчева

Нейчев указывает на двести двадцать семь (!) случая цитирования его публикаций другими учеными. Наиболее цитируемая из них это опубликованный в 2010 г. в Екатеринбурге перевод его монографии 2001 г. „Тайнственната поетика на Достоевски“. В данном случае речь идет о почти восьмидесяти цитированиях *по существу* в монографиях, диссертациях и статьях в журналах и сборниках (почти без исключения

российскими) учеными, никоим образом не связанных с автором и вряд ли знающих его лично; и не о неизбежных упоминаниях в статьях обзорного типа (напр., русистики в Болгарии за такой-то период).

Более поздние статьи Нейчева, интегрированные в монографию „Квантова херменевтика и екзегетика“, тоже цитируются по существу, но на болгарском и болгарскими. Следует, конечно, иметь в виду, что у них был гораздо меньший срок на то, чтоб оказались замеченными. Но намного меньше цитирований имеет и болгароязычная версия вышеупомянутой книги, хотя она прожила на девять лет дольше.

Такой расклад цитирований недвусмысленно указывает на необходимость чаще публиковаться на иностранных языках и, конкретно: русистам – по-русски.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Документы и материалы, предоставленные Николаем Нейчевым **отвечают всем** требованиям Закона о развитии академического состава в Республике Болгария (ЗРАСРБ), Регламенту о применении ЗРАСРБ и соответствующему Регламенту Пловдивского университета „Паисий Хилендарски“.

Кандидат, участвующий в конкурсе, **е** представил для оценки **достаточное** число научных трудов, не использованных при защите образовательно-научной степени „доктор“ и научной степени „доктор на науките“. Фундаментально-научная и прикладная значимость трудов кандидата, в т.ч. их международная признанность, вполне отвечает требованиям на получения звания профессора. Его теоретические разработки применимы в практике, причем часть из них непосредственно ориентированы на учебный процесс. Квалифицированность Николая Нейчева как ученого и преподавателя **несомненна**.

Я заявляю, что достигнутые *Николаем Нейчевым* результаты в учебной и научно-исследовательской деятельности **вполне** соответствуют минимальным национальным требованиям на занятие профессорской должности, принятые в связи с Регламентом ПУ для применения ЗРАСРБ.

После ознакомления с релевантными для конкурса материалами и трудами, анализа их значимости и содержащихся в них научных, научно-прикладных и прикладных достоинств (вкладов), изложив здесь выше важнейшее из своих наблюдений и выводов и, следует отметить, сознательно поставив ударение на своих несогласиях, я нахожу вполне обоснованным дать свою **положительную** оценку и убежденно **рекомендовать** Научному жюри изготовить доклад-предложение к Факультетскому совету Филологического Факультета для выбора Николая Михайлова Нейчева на академическую должность „профессора“ в Пловдивском Университете „Паисий Хилендарски“, в области высшего образования „Гуманитарные науки“, по профессиональному направлению „Филология“ (и научной специальности „Русская литература“).

20 марта 2024 г.

Автор отзыва:
доц. д-р Йордан Люцканов